

УДК 101.9

**ПОНЯТИЕ «ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА» В ТЕОРИИ ГЕГЕМОНИИ
АНТониО ГРАМШИ, И ЕГО РОЛЬ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА УЧЕНОГО И
ОБЩЕСТВА**

Зволев Н.П.

В статье рассматриваются понятия «здравый смысл» и «обыденное сознание» в теории гегемонии Антонио Грамши, и особенно в их отношении к роли интеллектуала в обществе. Будучи материалом и результатом рабочего процесса интеллектуала, эти понятия тесно связаны с историческим материализмом и классовым разделением общества. Но поскольку деление общества на два класса становится проблематичным, есть ли шансы, что мы сможем спасти теоретическую плодотворность этих понятий? И можем ли мы спасти роль интеллектуала? В качестве решения этих проблем в данной статье предлагается рассмотреть интерпретацию теории гегемонии Грамши Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф. Они предлагают отказаться от исторического материализма, с присущей ему эссенциалистской структуре. В современных условиях использование классового деления в теоретическом анализе общества было бы проблематично из-за растущего количества политических битв, участники которых выдвигают неэкономические требования. Кроме того, та роль которую играет интеллектуал в обществе стала более двусмысленной. С одной стороны, современные интеллектуалы все еще могут влиять на обыденное сознание народа. С другой стороны, они больше не принадлежат к определенному экономическому классу, и это может привести как к проблемам в эффективности работы самих интеллектуалов так и к кризису всей академической культуры.

Ключевые слова: обыденное сознание, здравый смысл, гегемония, Антонио Грамши, Эрнесто Лаклау, Шанталь Муфф.

Введение

Для того чтобы рассмотреть роль интеллектуала и ученого в развитии общества, теория гегемонии Грамши предлагает достаточно простую оптику, хотя и слегка искаженную обстоятельствами жизни самого Грамши. При изучении общества, Грамши обращает внимание не только и не столько на те изменения, которые происходят в его базисе, сколько на то, что принято называть надстройкой, и на взаимодействие этих двух категорий исторического материализма на практике. Почему же Грамши решил тщательнее изучить не динамику производительных сил, а

то, как проявляется в обществе влияние церкви, школы, интеллигенции, философов, и прочих «надстроечных» элементов? Здесь можно вспомнить известный пассаж из работы Маркса «К критике политической экономии», описывающий процесс взаимодействия производительных сил и производственных отношений, который заканчивается следующей фразой: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [1, С. 7]. Императивный тон этой цитаты не оставляет пространства для различных толкований того, где находится точка опоры для переворота надстройки, и что все свои интеллектуальные силы марксисты должны прикладывать к ней. Поэтому влияние, оказываемое различными общественными институтами на человека, равно как и изменения в них, не коррелирующие с изменением в общественной базе, оказываются вне поля зрения «подлинного» марксиста. Такое наивное прочтение марксизма привело к тому, что, как считает исследователь интеллектуального наследия Грамши Джозеф Фемиа, «марксизм с самого начала был озабочен изучением экономического базиса, что привело к фактическому забвению надстройки. Но к началу 1930-х годов, стала очевидной ущербность такого подхода» [2, Р. 27].

Политические изменения в мире странным образом противоречили строгой последовательности «развитие материальных сил – противоречие с производственными отношениями – социальная революция». Российская Империя не претендовала на звание самой передовой в экономическом плане капиталистической державы, однако именно в ней произошла первая социалистическая революция. Экономические кризисы послевоенной Европы и Великая депрессия показали, что нарастание противоречий между производительными силами и производственными отношениями не всегда ведут к триумфу левых сил и революции в надстройке, но, зачастую, используются правыми реакционными силами, которые с помощью политических и социо-культурных инструментов пытаются законсервировать эти противоречия, что было особенно заметно на примере родной для Грамши Италии.

Конечно, мы можем сказать, что сам Маркс не исповедовал столь ригидный экономико-детерминистский подход к пониманию истории, ведь «люди сами делают свою историю» [3, С. 115]. Да и в традиции марксизма были теоретики уделявшие внимание изучению непосредственно политической стороны марксистской теории. Неслучайно, историк марксизма Перри Андерсон отдает пальму первенства в разработке этой стороны В. И. Ленину [4, С. 22], воздавая должное Грамши за то, что тот «воспринимал самостоятельность и действенность культурной надстройки как политическую проблему, имеющую отношение к сохранению или свержению существующего социального порядка и заслуживающую теоретического осмысления именно с этой точки зрения» [4, С. 89]. С другой стороны, британский историк Эрик Хобсбаум считает что именно Грамши был «пионером марксистской теории политики» [5, Р. 319], отмечая, что интеллектуальная работа Ленина, направленная на создание всеобъемлющей марксистской теории государства и революции была прервана революционной необходимостью перехода от теории к практике. В конце концов, можно согласиться со специалистом по истории зарубежной марксистской философии М. Н. Грециком, давшим следующую характеристику работам Грамши: «Опираясь на то, что уже было сделано его предшественниками, анализируя и обобщая

Понятие «здравого смысла» в теории гегемонии Антонио Грамши, и его роль в контексте диалога ученого и общества

накопленный практический опыт, он стремится выработать ряд новых понятий (исторический блок, гегемония и др.), носящих более конкретный и изменчивый характер, чем традиционные понятия исторического материализма (формация, базис, надстройка и др.), он хочет придать также большую гибкость традиционным понятиям и соответственно осмыслить те более сложные, неоднозначные, вариативные связи и процессы, которые характерны для диалектики исторического уровня» [6, С. 64]. В чем же заключается политическая проблема культурной надстройки, и какими понятиями оперирует Грамши для осмысления диалектики исторического уровня?

Теория гегемонии Грамши

С точки зрения Антонио Грамши, помимо материального базиса, в обществе можно выделить две системы, относящиеся к надстройке – политическое и гражданское общества. К первой системе будут относиться формальные институты, такие как суды, законодательные собрания, полиция. Ко второй – церковь, СМИ, школы, и другие культурные и социальные институты. Господствующая социальная группа осуществляет свою власть как через аппараты принуждения в политическом обществе, так и через установление гегемонии в гражданском обществе.

Фемия определяет гегемонию как «порядок, при котором используется общий социально-моральный язык, в котором доминирует единственный концепт реальности, наполняя своим духом все способы мышления и поведения» [2, Р. 24]. Такой порядок формирует обыденное сознание человека, его мировоззрение и самоощущение как члена общества. Обыденное сознание является набором из навязываемых господствующей социальной группой представлений о мире, остатков таких представлений от предыдущих групп, элементов религиозных представлений, и как таковое оно не консистентно. Помимо таких «словесных» составляющих, обыденное сознание включает и «практические» элементы, то есть представления, которые были выработаны самим человеком, в его повседневном труде и общественной жизни. Поэтому в обыденном сознании зачастую можно найти противоречия между высказываемыми предпочтениями и нормами, на которые ориентируются люди, и их реальными действиями. Грамши называет такой феномен «противоречивым сознанием», в котором сталкиваются обыденное сознание и здравый смысл.

В своей теории гегемонии Грамши рассматривает два вида интеллигенции – органическую и традиционную. Для последней характерно восприятие себя как замкнутой группы людей, стоящих отдельно от остального общества, которые «чувствуют свою непрерывную историческую преемственность и свои «особые качества» [7, С. 329]. Органическая интеллигенция возникает как продукт новой господствующей социальной группы, в виде ее «приказчиков», то есть, выполняя функции доминирования в политическом обществе и осуществления гегемонии в гражданском обществе. При этом, роль ученого или философа трудно переоценить. Во-первых, каждое философское учение появляется в рамках определенных социально-исторических условий, которые служат предметом анализа

философа, даже если продуктом этого анализа получается идеалистическая философия. Эти социально-исторические условия содержат как обыденное сознание своей эпохи, так и здравый смысл, который будет трансформирован философами в господствующую идеологию следующей эпохи. Во-вторых, философские системы проникают в массы, седиментируются, через преподавание этих систем в университетах и, пусть в более упрощенных формах, в школах. Это позволяет Грамши заявить, что «обыденное сознание – это фольклор философии» [7, С. 482].

Поэтому роль философа не ограничивается интеллектуальным обслуживанием элиты ведь, с точки зрения Грамши, по мере все более очевидного расхождения обыденного сознания и здравого смысла, возникающего из-за накопления противоречий в обществе, философ будет вынужден перейти к критике обыденного сознания. Конечно, в представлении Грамши такой философ является философом практики, или марксистом, и противоречия о которых он говорит – это противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между буржуазными социальными отношениями и ростом классового сознания у пролетариата. Поэтому вопрос об актуальности теории гегемонии Грамши состоит в том, насколько актуален исторический материализм в современных условиях, насколько эти классовые противоречия очевидны сегодня, или же в возможности как-то «модернизировать» его теорию, уйдя от проблемы классов. Такую попытку пересмотреть теорию Грамши предприняли Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф. Если в начале XX века политическое пространство делили между собой буржуазия и пролетариат, то, как считают Лаклау и Муфф, в новых условиях исчезает привязка теории гегемонии к экономическому базису. При этом, обыденное сознание и здравый смысл продолжают играть в ней важную роль, оставаясь ключевыми инструментами для ее осуществления.

Теория дискурса Лаклау и Муфф

С точки зрения Лаклау и Муфф говорить о классовой гегемонии в мире, в котором основным источником политических изменений становится борьба различных индивидов и групп за свои права, уже невозможно. Политическое противостояние артикулированное как борьба пролетариата и буржуазии стало достоянием истории, но на замену ему пришли разнообразные новые социальные движения, которые ставят своей целью не только получение юридических прав или изменения законов, но и переформатирование обыденного сознания всего населения в целом. Петр Штомпка выделил три главные черты этих новых социальных движений (НСД) [8, С. 348-349]. Во-первых, они сосредоточены скорее на культурных проблемах, нежели на экономических. Во-вторых, участники этих движений не имеют определенной классовой принадлежности. В-третьих, сами эти движения носят децентрализованный характер. Каждая такая группа несет в себе не столько зерна здравого смысла, как сказал бы Грамши, сколько свой определенный дискурс. Если в концепции Грамши классовые позиции были структурированы вокруг экономики, то Лаклау и Муфф стараются описать пост-структуралистское видение возникновения этих позиций. Вспоминая процесс разработки новой теории, Муфф пишет: «Мы

Понятие «здравого смысла» в теории гегемонии Антонио Грамши, и его роль в контексте диалога ученого и общества

пытались сформулировать теорию, которая соединяла бы два различных теоретических подхода: постструктуралистскую критику эссенциализма, которую можно найти в работах Деррида, Лакана, Фуко (но также и в работах американских прагматиков и Витгенштейна), и некоторые ключевые моменты теории гегемонии Грамши. Такой теоретический подход, который иногда относят к постмарксизму, стал известен как «теория дискурса» [9, Р. 112]. Как же образуются дискурсы, и вместе с ними социальные движения?

Редкое изложение теории дискурса Лаклау и Муфф обходится без цитирования одного фрагмента их «Гегемонии и социалистической стратегии», в котором сформулированы основные положения данной теории: «Мы назовем артикуляцией любую практику установления отношений между элементами, при которой в результате артикуляционной практики изменяется идентичность элементов. Все структурное единство, возникающее в результате артикуляционной практики, мы назовем дискурсом. Различные позиции, в которых знак артикулируется, мы назовем моментами. А элементом мы назовем любое отличие, которое не артикулируется в дискурсе» [10, Р. 105]. Здесь важно сделать несколько замечаний. Во-первых, элементом, как и моментом дискурса может стать все что угодно – как материальный предмет, так и слово, символ, текст. Так в дискурсе исторического материализма, религия может пониматься как «опиум для народа», бульжник быть оружием пролетариата, а полет в космос рассматриваться как доказательство превосходства одной общественно-экономической формации над другой. Во-вторых, и это главное отличие теории дискурса Лаклау и Муфф от теории гегемонии Грамши и исторического материализма, элементы дискурса могут быть переопределены. Для формирования определенного дискурса важна центральная точка, центральное понятие – пустое означающее. Это означающее имеет символическое значение. Так если попытаться перевести исторический материализм в термины Лаклау и Муфф, то пустым означающим будет выступать экономика, ведь вокруг производительных сил и неравного распределения собственности на средства производства строится представление об общественно-экономических формациях. Проблема здесь заключается в онтологически превосходном статусе этого означающего, в том, что оно, строго говоря, не является пустым. Поэтому оно жестко фиксирует остальные моменты дискурса, например понятия «рабочий класс» и «буржуазия». Но, как было сказано выше, НСД плохо вписываются в классический марксизм, а потому он теряет свою теоретическую силу. Даже Грамши, строящий свой анализ культурных процессов протекавших в надстройке, был склонен к экономическому редукционизму [11, С. 168].

С точки зрения Лаклау и Муфф, пустое означающее является пустым именно в силу того что оно может быть переопределено. И гегемония будет заключаться в том, чтобы навязать остальным свое определение пустого означающего, а вместе с ним и свой дискурс, то есть свое понимание отдельных элементов. Навязывание здесь будет иметь грамшианский смысл растворения понятия в обыденном сознании людей, главной целью которого окажется сокрытие своего политического характера. Лаклау и Муфф поясняют свою теорию примером

различного понимания свободы. В течении долгого времени свобода понималась как возможность делать выбор, а несвобода понималось как то, что ограничивает выбор, в том числе и материальная нужда. Поэтому государство всеобщего благосостояния понималось как инструмент освобождения человека. Но в последнюю четверть XX века неолиберальные теоретики смогли переартикулировать понимание свободы, наполнив его «негативным» смыслом. Теперь свобода понимается как свобода от принуждения, в том числе и от принуждения со стороны общества к сдерживанию приращения капитала. В новом понимании свободы государство всеобщего благосостояния и взимающиеся ради него налоги выглядят как барьер, который мешает человеку самостоятельно распоряжаться своими деньгами. В либерально-демократическом обществе, в котором политическая власть распределяется через механизм выборов, такие интеллектуальные споры о сущности свободы становятся крайне важны. Как пишут Лаклау и Муфф: «Формы, в которых определяются свобода, равенство, демократия на уровне политической философии, могут иметь важные последствия на различных других уровнях дискурса, и приводить к решительному изменению обыденного сознания масс» [10, Р. 174].

Как в теории гегемонии Грамши, так и в теории дискурса Лаклау и Муфф роль интеллектуала в диалоге с обществом весьма заметна – он производит значения, которые оседают в обыденном сознании, или конструирует господствующий дискурс. Но это больше походило бы на монолог в обществе, а не на диалог, если бы сами интеллектуалы, ученые, философы не жили внутри тех дискурсов, которые они помогают создавать. Современная действительность дает много примеров такой обратной связи.

Диалог ученого и общества

Например, Антонио Магальяес и Амелия Веига анализируя изменения в управлении университетами пишут, что: «В реформах управления, продуктивность и эффективность были зафиксированы в новом государственно-управленческом нарративе как нодальные точки. Они принимают определенное значение и соединяют другие дискурсивные элементы нарратива связанного с инструментами управления и исполнения, которые заимствуются из организаций частного сектора. Эти дискурсивные элементы были взяты из неолиберального дискурса о социальном и политическом регулировании на основе рыночных механизмов» [12, Р. 317].

Пустота термина «эффективность» позволяет переопределять его в зависимости от господствующего дискурса, то есть политическим путем. И точно как в теории Лаклау и Муфф, это сокрытие политического измерения из определения пустого означающего является главным признаком гегемонии. Эффективность – нейтральное слово, не связываемое ни с какой идеологией. Поэтому его конкретное идеологическое содержание, изменяющее вполне осязаемые практики управления в университетах, скрывается под маской аполитичности.

Схожим образом, метаморфозы происходящие с университетом описывал Билл Ридингс: «Иными словами, апелляция к совершенству означает, что больше нет никакой идеи Университета, или скорее, что эта идея утратила все свое

содержание. Будучи нерепрезентативной единицей ценности, функционирующей целиком внутри системы, совершенство обозначает лишь момент саморефлексии технологии. Системе нужно только то, что позволит ей осуществлять свою деятельность, и пустое понятие совершенства отсылает исключительно к оптимальной пропорции входящей/исходящей информации» [13, С. 69]. Пустое понятие «совершенства» в описании Ридингса работает так же как и пустое означающее «эффективность» у Магальяес и Веиги. Отказ от признания политичности такой сферы как образование, перевод ее исключительно в сферу компетенции нейтральных экспертов и нейтральных терминов в момент доминирования нелиберального дискурса обезоруживает тех, кто мог бы предложить альтернативный дискурс. Если социальное конституируется политическим, и постоянно переопределяется в рамках политической борьбы, то отказ от политической борьбы, борьбы смыслов и значений, закрепляет социальные практики господствующего дискурса.

Понятие «эффективность» обладает очевидной перформативностью. Выстраиваемая политика образования вокруг дискурса эффективности, заставляет каждого студента и преподавателя изменять свои практики. Эффективность символически отображается в универсальных системах оценивания, например, для абитуриента вводится ЕГЭ. С другой стороны, для преподавателей была введена система эффективного контракта. В статье «Эффективный контракт в системе высшего образования РФ: теоретические подходы и особенности институционального проектирования» Маргарита Курбатова и Сергей Левин анализируют теорию и практику применения подобного контракта.

В теории существуют два варианта контракта: срочный контракт, в котором преподаватель понимается как наемный работник, ВУЗ – как фирма, а студент – как клиент, и стимулирующий контракт, в котором преподаватель понимается как участник сообщества преподавателей, активно формирующего не только непосредственно образовательный процесс, но и процесс административный. Во втором варианте контракта преподаватель заинтересован в административном процессе за счет участия в распределении остаточного дохода, который понимается как «чистый доход команды», осуществляющей кооперативное производство, т. е. такое производство, когда продукция, выпускаемая командой, не является простой суммой индивидуальных выпусков каждого из ее членов» [14, С. 62].

На практике для претворения в жизнь был выбран первый вариант эффективного контракта. По мнению Курбатовой и Левина этот выбор был обусловлен пересечением интересов либерального экспертного сообщества и бюрократической элиты. При этом они замечают, что либеральное экспертное сообщество «видит в правящей бюрократии инструмент реализации своих проектов в условиях, когда оно не уверено в их поддержке большинством населения» [14, С. 73], а бюрократическая элита использует концепции либеральных экспертов для «коммерциализации социальной сферы и сброса бюджетных обязательств по ее содержанию» [14, С. 75].

Таким образом, мы видим, что введение системы эффективного контракта стало результатом гегемонии либерального, вернее будет сказать нелиберального, дискурса. Не нашлось ни одной политической силы, которая смогла

бы переартикулировать понятие «эффективность», то есть навязать свой дискурс, в более выгодном для преподавателей смысле.

Заключение

Понятия здравого смысла, обыденного сознания, дискурса позволяют связать в единое концептуальное полотно жизнь общества и задачи, которые ставит перед собой ученый. Эти понятия выделяют ту сторону профессиональной интеллектуальной работы, которая для самого ученого кажется порой менее важной, по сравнению с непосредственно научной работой. Грамши исследовал взаимосвязь интеллигенции и общества, выявил функции, которые выполняет интеллигент в обществе, но его приверженность историческому материализму ограничила применимость его подхода в XXI веке. Лаклау и Муфф освободили этот подход от всякого редукционизма и позволили использовать его в современных обстоятельствах. Между обществом и интеллектуалом существует двусторонняя связь, и в условиях заката государства всеобщего благосостояния, гегемонии неолиберализма, политических уклонов то в сторону экспертократии, то в сторону анти-интеллектуального популизма, эта связь становится все более проблемной. Причем, проблема эта связана уже не только с ответственностью интеллектуалов перед обществом, но и с ответственностью перед самими собой.

Список литературы

1. Маркс К. К критике политической экономии / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 13. – 771 с.
2. Femia J. Gramsci's political thought. – Oxford: Clarendon Press, 1987. – 318 p.
3. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 8. – 689 с.
4. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. – М.: Интер-версо, 1991. – 272 с.
5. Hobsbawm E. How to change the world: Reflections on Marx and Marxism. – Yale University Press, 2011. – 479 p.
6. Грецкий М. Н. Антонио Грамши-политик и философ. – М.: Наука, 1991. – 159 с.
7. Грамши А. Тюремные тетради: В 3-х ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
9. Mouffe C. Agonistics: Thinking the world politically. – L. – N.Y., Verso, 2013. – 228 p.
10. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. – L. – N.Y., Verso, 2001. 2 ed. – 198 p.
11. Грамши А. Избранные произведения: В 3-х томах. Т. 3. Тюремные тетради. – М.: ИИЛ, 1959. – 569 с.

12. Magalhães A., Veiga A. The narrative approach in higher education research // *Theory and method in higher education research*. – Bingley, Emerald Group Publishing Limited, 2015. – P. 311–331.

13. Ридингс Б. Университет в руинах. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 304 с.

14. Курбатова М. В., Левин С. Н. Эффективный контракт в системе высшего образования РФ: теоретические подходы и особенности институционального проектирования // *Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований)*. – 2013. – Т. 5. – №. 1. – С. 55–80.

Zvolev N.P. The concept of “good sense” in the theory of hegemony of Antonio Gramsci and its role in the context of the dialogue between scientist and society.

Annotation. This article deal with the concepts of “good sense” and “common sense” in the theory of hegemony of Antonio Gramsci, and specially with their relation to the role of intellectual in society. While being an input and output of the working process of intellectual, these concepts are closely related to the historical materialism and class division of society. But since the division of the society into two classes become problematic, are there any chances that we can rescue the theoretical fruitfulness of these concepts? And could we rescue the role of intellectual? As a solution to these problems this article suggests to consider the interpretation of Gramsci's theory of hegemony by Ernesto Laclau and Chantal Mouffe. They offer to get rid of historical materialism with its inherent essentialistic structure. It would be problematic nowadays to use class division in theoretical analysis, because of the growing number political struggles which presents themselves entirely non-economical. Moreover, the role which intellectual play in society became more equivocal. On the one hand, present-day intellectual still can influence the common sense of the people. On the other hand, intellectuals do not belong to specific economic class and this could lead to some troubles for theirs work efficiency and for whole academic culture.

Keywords: common sense, good sense, hegemony, Antonio Gramsci, Ernesto Laclau, Chantal Mouffe

References

1. Marx K. К критике политическој экономии. Predislovie [A Contribution to the Critique of Political Economy]. Works, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1959, Vol. 13, 771 p.

2. Femia J. Gramsci's political thought, Oxford, Clarendon Press, 1981, 303 p.

3. Marx K. Vosemnadcatoe bryumera Lui Bonaparta [The Eighteenth Brumaire of Louis Napoleon], in Marx K. and Engels F. Works, 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat, 1957, Vol. 8, 689 p.

4. Anderson P. Considerations on Western Marxism, Moscow, Interverso, 1991, 272 p.

5. Hobsbawm E. How to change the world: Reflections on Marx and Marxism, Yale University Press, 2011, 480 p.
6. Gretskaa M. N. Antonio Gramsci - politik i filosof [Antonio Gramsci – politician and philosopher], Moscow, Nauka, 1991, 159 p.
7. Gramsci A. Prison Notebooks, Moscow, Politizdat, 1991, Vol. 1, 560 p.
8. Sztompka P. The Sociology of Social Change, Moscow, Aspekt-Press, 1996, 416 p.
9. Mouffe C. Agonistics: Thinking the World Politically, L. – N.Y., Verso, 2013, 224 p.
10. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics, 2 ed., L. – N.Y., Verso, 2001, 198 p.
11. Gramsci A. Prison Notebooks, Vol. 3, Moscow, Izdatel'stvo inostranoi literatury, 1959, 569 p.
12. Magalhães A., Veiga A. The narrative approach in higher education research, Theory and method in higher education research, Bingley, Emerald Group Publishing Limited, 2015, Vol. 1, pp. 311–331.
13. Readings B. The University in Ruins, Moscow, HSE, 2010, 304 p.
14. Kurbatova M. V., Levin S. N. Effektivnyi kontrakt v sisteme vysshego obrazovaniya RF: teoreticheskie podkhody i osobennosti institutsional'nogo proektirovaniya [Effective contract in higher Education of the Russian Federation: theoretical approaches and features of institutional design], Journal of institutional studies, 2013, Vol. 5, №. 1, pp. 55-80.

Зволев Николай Павлович – аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; gilein@yandex.ru

Zvolev Nikolai Pavlovich – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; gilein@yandex.ru